

Глава 7

— Началось! Началось! — зашумели в толпе.

— До чего же позорное зрелище!

— Вот именно. Пусть Лю Нин'эр и кругом виноват, но разве можно так распускать руки? Это уж слишком.

Впрочем, нашлись и те, кто не разделял общего возмущения:

— Когда мой мужик за моей спиной с другой спутался, я обоих готова была на вилы поднять. Так что Сун Лян ещё милосерден.

— У него, может, и есть на то право, но если спускать такое с рук, в деревне скоро совсем порядка не останется.

Один из зевак, дальний родственник семьи Яо, не выдержал. Подтолкнув стоящего рядом Яо Юя, он прикрикнул:

— Яо Юй, ты чего застыл как истукан? Твой фулан в драку ввязался, а ты и в ус не дуешь! Хоть бы утихомирил его!

Яо Юй лишь тяжело вздохнул:

— И как мне его утихомирить? Руки распускать — дело некрасивое.

Лю Нин'эр, в конце концов, был гэ'эр, да ещё и в положении. Если Яо Юй ввяжется и станет помогать Сун Ляну бить беременного, это будет выглядеть совсем уж гнусно. К тому же Сун Лян и в одиночку прекрасно справлялся с обоими противниками — помощь ему явно не требовалась.

Толпа тут же принялась тыкать в Яо Юя пальцами, правда, старались говорить вполголоса — всё же он был из семьи Яо.

— Никчёмьш... настоящий никчёмьш.

— И то верно. Даже собственного фулана в узде удержать не может.

— Удивительный человек этот Отец Яо, и как у такого почтенного мужа вырос подобный рохля?

Яо Юю стало не по себе. Хотя люди и шептались, слово «никчёмьш» то и дело долетало до его ушей, и игнорировать его становилось всё труднее. В груди вскипела глухая досада.

«И что мне, по-вашему, делать?!»

Сун Лян и так уже прижал обидчика к ногтю. Если он сейчас бросится в драку и начнёт вдвоём с мужем избивать беременного, на кого он будет похож?

«Пусть считают никчёмьшем, мне-то что...»

Яо Юй решил, что с него хватит, и уже собрался было уйти восвояси.

Но в этот момент, прослышав о беде, примчались родственники Лю Нин'эра. Увидев, что того привязали к дереву и избивают, они пришли в ярость и всей толпой бросились на Сун Ляна.

Каким бы свирепым и отчаянным ни был Сун Лян, против целой своры разъярённых мужчин он выстоять не мог.

— Ах ты, паршивец! Нин'эр ребёнка носит, он тебе по закону невесткой приходится, а ты на него руку поднял! — Старший из семьи Лю схватил Сун Ляна за тонкое запястье и занёс руку для ответного удара.

Сун Лян лишь презрительно фыркнул:

— Когда того все кому не лень обижали, где же вы были? А теперь, когда он присосался к семье Яо, вдруг вспомнили, что он ваш брат? Тьфу!

Он ни на грош не верил в искренность их родственных чувств.

Яо Юй, не знавший всех подноготных этих отношений, при виде подкрепления Лю невольно замер. Его решимость уйти мгновенно испарилась. Резко развернувшись, он с разбега попытался нанести сокрушительный удар в прыжке тому самому детине, что схватил Сун Ляна.

Результат оказался плачевным: мужик лишь слегка пошатнулся, ухватившись за дерево, а вот сам он не удержал равновесия и нелепо растянулся в грязи.

Толпа взорвалась хохотом.

Красный как рак, юноша вскочил на ноги. Не давая противникам опомниться, он первым пошёл в словесную атаку:

— Вы что творите?! Как вам совести хватает нападать на беззащитного гэ'эр?

В действительности Яо Юй дрожал от страха, и ему стоило немалых усилий удерживать колени, чтобы те не подогнулись.

Стоявший рядом Сун Лян на миг оцепенел. Придя в себя, он во все глаза уставился на высокую и худощавую фигуру мужа.

«Яо Юй ведь не хотел этой свадьбы... Почему же он вмешался?»

Намерение было благородным, но... этот олух всерьёз решил, что сможет их защитить? Да он только под ногами путается!

Семья Лю, поняв, что перед ними Яо Юй, тут же приободрилась.

— И ты ещё смеешь нас поучать?! Нин'эр тебе невесткой приходится, а ты позволяешь своему фулану так над ним измываться?

— Невесткой? — Яо Юй ехидно скривился. — С каких это пор? Он всего лишь наложник, не более.

Он сделал паузу, обводя взглядом присутствующих:

— А вот Сун Лян — мой законный супруг, вошедший в дом через главные ворота. Если хотите обсудить что-то иное — я к вашим услугам, но сказки про «невесток» оставьте при себе. Учитывая, что сотворил этот Лю Нин'эр, Сун Лян проучил его вполне справедливо.

В их краях, среди простых крестьян, редко поминали законы о жёнах и наложницах, и Яо Юю вовсе не хотелось пускаться в юридические дебри. Но если эти люди решили давить на него родственными связями, то и он не побрезгует напомнить им о правилах.

Матушка ясно дала понять: Лю Нин'эр для него — никто.

Яо Ань, который помалкивал, пока Сун Лян раздавал тумачи, при виде изменившейся обстановки вдруг обрёл голос:

— Второй брат, как бы там ни было, он носит моё дитя.

Яо Юй согласно кивнул:

— Верно, верно. Но я-то его и пальцем не тронул! Да и Сун Лян бил аккуратно, в живот не

целил, мы за этим строго следили.

Лицо Яо Аня потемнело. С того момента, как появился младший брат, он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ты... в такой потасовке всякое может случиться. Это опасно.

Яо Юй сделал вид, что глубоко тронут этими словами. Обернувшись к привязанному Лю Нин'эру, он наставительно произнёс:

— Ты ведь теперь человек не праздный, дитя под сердцем имеешь. Впредь старайся меньше подличать, а то ведь люди не посмотрят на твой живот, придут и побьют. И что тогда с ребёнком будет?

Лю Нин'эр едва не позеленел от злости. Дожили — даже такой никчёмш, как Яо Юй, смеет его поучать!

Видя, что Яо Ань замолчал, родня Лю почувствовала себя обделённой. Они обратились к старшему брату:

— И что же, наш младший так и останется побитым ни за что?

— Он совершил проступок, и Сун Лян преподал ему урок. Что в этом такого? — Яо Юй, понимая, что дело принимает серьёзный оборот, почувствовал, как по спине струится холодный пот. Он крепко сжал руку Сун Ляна, намереваясь для вида прикрикнуть на него, а затем под шумок скрыться.

Но не успел он сделать и шага, как под его ногами раздался звонкий металлический лязг.

На землю упал предмет.

Это был кухонный тесак.

Он выпал прямо из-за пазухи Сун Ляна.

Яо Юй застыл. Семья Лю застыла. Толпа затаила дыхание.

Все заготовленные ругательства застряли в горле Яо Юя. Он проклинал тот день, когда решил заступиться за Сун Ляна. Ладонь, которую он сжимал, теперь казалась ему не рукой человека, а когтистой лапой разъярённого тигра.

«И о чём я только думал, жалкий муравей... Всерьёз беспокоился о жизни хищника?»

Сун Лян спокойно опустил голову.

— Ой, мой, — пробормотал он. Нагнувшись, он поднял нож и как ни в чём не бывало спрятал его обратно.

Лезвие было отточено до зеркального блеска. На солнце оно сверкнуло так ярко, что на мгновение ослепило всех присутствующих.

Кто в здравом уме идёт на разборки с кухонным тесаком за пазухой?!

— Ты... ты закончил? — дрожащим голосом спросил Яо Юй.

Будь оно всё проклято, это же был нож с их кухни! Яо Юй вечно столовался у отца, поэтому своим хозяйством почти не занимался. Он помнил, что тесак давно заржавел, но сейчас тот сиял как новенький — видать, его точили долго и старательно.

Сун Лян послушно кивнул.

Яо Юй, всё ещё дрожа, обратился к семье Лю:

— Раз больше претензий нет, мы, пожалуй, пойдём домой.

Родственники Лю были людьми ленивыми и жадными, привыкшими искать выгоду без лишнего риска. Пусть Сун Лян и не обладал великой силой, но его готовность идти до конца и этот нож заставили их прикусить языки.

Они помнили, как Сун Лян защищал Лю Нин'эра раньше. Если они не могли защитить брата от обычных задир, то куда им тягаться с этим безумцем?

Сун Лян в ярости был способен на всё — это знали все ещё до его свадьбы. А после замужества он, похоже, и вовсе лишился остатков рассудка.

Обычные люди хотят жить долго и спокойно, и никто не желал связываться с полоумным. Зеваки в толпе тоже притихли, боясь лишним словом навлечь на себя беду.

Лю-старшие собирались было проучить Сун Ляна, чтобы закрепить за Лю Нин'эром место старшей невестки в доме Яо, но теперь они всерьёз опасались, что этот псих выхватит нож и устроит кровавую баню.

— Тьфу... с такими, как ты, и говорить-то не о чем! — бросил кто-то из Лю, и на этом их запал иссяк.

Сун Лян, почувствовав слабинку противника, ещё больше воодушевился. Он гордо выпрямился и смерил эту кучку трусов презрительным взглядом.

Толпа расходилась в смятении. Это было за гранью понимания!

Этот Сун Лян ещё в дом войти не успел, как уже поколотил мужа (тогда ещё никто не знал, что Яо Юй станет его избранныком), затем вцепился в волосы свекрови, Госпоже Чжао, на собственной свадьбе едва не зарезался на глазах у свёкра, вынудил деверя жениться на себе, а теперь ещё и избил брата и невестку!

Невероятно!

Интересно, чьи предки так согрешили, что в их дом вошло это «сокровище»?

Ах да! Это же Яо Юй, никчёмный второй сын Отца Яо!

В душе каждый немного сочувствовал этому бедолаге. Надо же так влипнуть: двадцать лет рос тише воды, ниже травы, а в итоге взял в жёны маленького безумца. Жизнь его теперь явно превратится в кошмар.

Сам же Яо Юй, казалось, уже смирился со своей участью. Он покорно вёл Сун Ляна за руку, словно признавая его главенство.

«Бедный, бедный Яо Юй... Ну и нелёгкая ему доля выпала»

Боясь, что ярость Сун Ляна перекинется на них, люди поспешили разойтись.

Когда улица опустела, Яо Юй, всё ещё не выпуская руки мужа, на негнущихся ногах побрёл к дому. Он вёл себя тише мыши, опасаясь, что любое неверное движение — и этот нож окажется у его горла.

«Боже, за что мне всё это?!»

— Т-ты... ты не проголодался? — едва они переступили порог, Яо Юй первым же делом захотел выпустить руку Сун Ляна. Но инстинкт самосохранения заставил его действовать осторожно: он медленно, почти нежно опустил ладонь супруга.

Сун Лян прислушался к себе. В животе и впрямь урчало, поэтому он кивнул.

Яо Юй пулей бросился к выходу:

— Ты жди здесь, я матушку попрошу, она мигом чего-нибудь сообразит!

Матушку? Госпожу Чжао?

Сун Лян нахмурился. Он хотел было остановить его, но юноша уже скрылся из виду.

Госпожа Чжао его терпеть не может, вряд ли она станет для него готовить.

«Ничего, — подумал он, — сейчас вытрясу долги из Яо Аня, раздобуду зерна и сам себе приготовлю»

Он поправил нож, обёрнутый в ткань. Теперь это было его главное сокровище. С этой штукой за пазухой никто — ни сильный, ни слабый — не посмеет его обидеть.

Даже Госпожа Чжао. Увидев его в следующий раз, она наверняка предпочтёт обойти его десятой дорогой.

За последние пару дней Сун Лян почти ничего не ел, к тому же болезнь ещё не отпустила до конца. Почувствовав слабость, он, не выпуская ножа, прилёг на кровать.

Сегодняшний поступок Яо Юя стал для него полной неожиданностью. Пусть от его вмешательства не было никакого толку, но сам факт...

Раньше, когда они были близки с Яо Анем, он только и слышал о том, какой Яо Юй непутёвый, трусливый и злопамятный. Сун Ляну одно время даже смотреть на него было противно, но теперь он понял: слова Яо Аня не стоили и ломаного гроша.

Хотя трусость... Трусость была неподдельной. Руки Яо Юя дрожали всю дорогу до дома.

И всё же этот трус не побоялся защитить его перед всей деревней. А Яо Ань? Сун Лян из-за него со свекровью сцепился, а тот, испугавшись отцовского гнева, даже не признал своих слов.

Истинная натура человека проявляется в мелочах.

Сун Лян привык платить по счетам: и за обиду, и за доброту. И как бы ни сложилась их дальнейшая жизнь, он не забудет, что Яо Юй за него заступился.

Мечь свершилась, и на Сун Ляна навалилась усталость.

Для Яо Аня сегодняшний позор был лишь досадным недоразумением. Жизнь его потечёт по-прежнему: у него есть своя земля, есть ремесло в руках. Он будет процветать, а Лю Нин'эр родит ему детей.

Сун Лян же сегодня отвел душу, но впереди его ждала лишь пугающая неизвестность.

От этой мысли в душе его вновь вскипела глухая, беспросветная ярость.

<http://bllate.org/book/15314/1354415>